

Платон

ДИАЛОГИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

АЛКІВІАД І

В диалоге участвуют:

СОКРАТ

АЛКИВИАД

Сократ. Ты удивляешься, думаю, сын Клиния, что, полюбив тебя прежде всех, я один теперь не отстаю от тебя, когда прочие уже отстали, и что, между тем как другие надоедали тебе своими беседами, я в продолжение столь многих лет не сказал тебе ни одного слова. Причина этому была не человеческая, а божественная¹, силу которой ты узнаешь впоследствии. Теперь она уже не препятствует мне; вот я и пришел, В надеясь, что препятствий не будет и впредь. Почти все это время я внимательно наблюдал, как ты держишь себя по отношению к лицам, тебя любящим. Много было их, и они отличались высокоумием, но не осталось ни одного, который не убежал бы, побежденный твоею рассудительностью. Я раскрою причину твоего презрения к ним. Тебе, говоришь, ни в ком из людей и ни для чего нет надобности; потому что богатство твое велико: всего довольно, начиная с тела и заканчивая душой. Во-первых, ты считаешь себя красивым и знатным, и всякий ясно видит, что не обманываешься. Во-вторых, ты приходишь из семейства самого храброго в своем городе², величайшем между городами эллинов; а потому со стороны отца у тебя очень много знаменитых друзей и родственников, которые, если понадобится, готовы служить тебе. В

¹ Очевидно, Сократ имеет в виду голос своего внутреннего гения. (См. об этом также: Феаг 128d, Федр 242b, Евтидем 272e.) — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания Р. В. Светлова.*

² Храбрость считалась в древности чертой людей благородного происхождения. Слово «аристократ» буквально значит «прекрасновластвующий»; этимология этого слова восходит к «аристос» — превосходной степени прилагательного «агатос», что значит «хороший, добрый».

Не менее их и не хуже они также со стороны твоей матери¹. Но, по твоему мнению, более всех упомянутых мною лиц доставляет тебе силы Перикл, сын Ксантиппа, которого твой отец назначил тебе и твоему брату в опекуны и который не только в своем отечестве, но и в целой Элладе, даже во многих и известнейших поколениях варваров, может делать все, что хочет². Я прибавил бы еще, что ты — один из богатейших людей; но в этом отношении у тебя мало самомнения. Гордясь такими преимуществами, ты одолел всех своих воздыхателей, и они, как слабейшие, подчинились твоей власти. Это тебе известно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что за мысль у меня — не бросать своей любви, в какой надежде я остаюсь верен ей, несмотря на бегство прочих.

Алкивиад. Но может быть, тебе неизвестно, Сократ, что ты лишь чуть-чуть предупредил меня. Ведь я первый думал подойти к тебе и спросить именно об этом, то есть чего ты хочешь и с какою целью преследуешь меня, постоянно являясь везде, где бы я ни бывал. Да, для меня в самом деле удивительно, каково твое намерение, и я охотно желал бы знать об этом.

Сократ. Так, видно, ты будешь слушать меня со вниманием, если, как говоришь, желал бы знать, что у меня на уме. Пожалуй, слушай и имей терпение — все скажу.

Алкивиад. Без сомнения, буду слушать, только говори.

Сократ. Смотри же; ведь нет ничего удивительного, что насколько трудно мне начать, настолько же тяжело будет и завершить речь.

¹ Согласно античным источникам, по отцу (Клинию) род Алкивиада восходил к Аяксу Теламониду, герою Троянской войны. По материнской же линии (мать — Диномаха) Алкивиад нес в своих жилах кровь Алкмеона, предводителя легендарного похода «эпигонов» против Фив, то есть похода сыновей семи героев (Амфиарая, Адраста, Полиника и др.), некогда погибших под стенами фиванской крепости. Потомки Алкмеона, Алкмеониды, были знаменитым родом, до конца VII в. до н. э. входившим в число аристократических семейств, правящих Афинами.

² Действие этого диалога происходит ок. 434 г. до н. э., то есть еще до смерти Перикла (490–429 до н. э.), фактического главы Афин и Афинского союза. Перикл, как и мать Алкивиада — Диномаха, принадлежал к роду Алкмеонидов. Он был назначен опекуном Алкивиада по завещанию отца последнего, погибшего задолго до событий, описываемых в диалоге, в сражении с беотийцами.

Алкивиад. Говори, почтеннейший; а я уж буду слушать.

Сократ. Приходится говорить. Хотя тому, кто любит, и не легко обращаться к человеку, который не уступает людям, его любящим, однако я осмелюсь высказать свою мысль. Если бы я видел, Алкивиад, что ты доволен всем тем, о чем сейчас упомянуто мною, и намерен с этим провести свою жизнь, то давно бы, насколько знаю себя, отказался от своей любви. Но теперь я хочу раскрыть перед тобой другие твои помыслы, из чего ты поймешь, что я непрестанно наблюдал за тобою. Если бы, кажется, какой-нибудь бог сказал тебе: «Алкивиад! Хочешь ли жить, наслаждаясь тем, что имеешь, или тотчас умереть, если тебе нельзя будет получить что-либо сверх того?» — то ты, думаю, избрал бы смерть. И я скажу, на что ты теперь надеешься. Ты думаешь, что когда явишься в собрание афинского народа — а это будет через несколько дней¹, — то докажешь афинянам, что достоин почестей, какими не пользовался ни Перикл, ни кто-либо другой из мужей, когда-либо существовавших, и, доказав это, приобретешь в городе величайшую силу; приобретя же силу здесь, будешь могущественным и среди прочих эллинов; да не только у эллинов — даже у варваров, обитающих на одном с нами материке. Потом если бы тот же бог снова сказал тебе, что твоя власть должна ограничиваться только Европою, а в Азию перейти тебе будет нельзя и тамошних дел рука твоя не коснется, то ты, кажется, не захотел бы довольствоваться и этим, то есть жить без надежды наполнить, так сказать, своим именем и мощью целое человечество. Кроме Кира и Ксеркса, для тебя, думаю, нет человека, достойного внимания². Что именно такой воодушевляешься ты надеждой, это я знаю, а не просто догадываюсь. Но, сознаваясь, что я говорю правду, ты, может быть, спросишь: как же это, Сократ, относится к причине твоей неотступности, которую ты спешил было открыть мне и по кото-

¹ По достижении совершеннолетия афинские юноши обретали право голоса в городском собрании, а с двадцатилетнего возраста могли занимать какие-либо должности.

² Имеются в виду персидские цари: *Кир Древний*, основатель державы Ахеменидов (правил в 585–530 гг. до н. э.), а также *Ксеркс* (правил в 486–465 гг. до н. э.), на время жизни которого падают основные события греко-персидских войн.

рой не оставляешь меня? Скажу и это, любезный сын Клиния и Диномахи. Цели своих надежд без меня достигнуть ты не можешь: столь велико, думаю, мое влияние на тебя и на твои дела! Потому-то бог, давно уже полагаю я, и не позволял мне разговаривать с тобою, а я все ждал, пока позволит. Ведь как ты надеешься иметь великую силу в городе, доказав ему и несомненное свое достоинство, и то, что для тебя нет ничего невозможного, так и я надеюсь иметь величайшее влияние на тебя, доказав, что в отношении к тебе значу более всех, что ни опекун, ни родственник, никто, кроме меня, — лишь бы только бог помог! — не в состоянии сообщить тебе ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты был моложе и еще не питал этой надежды, бог не позволял мне беседовать с тобою — кажется, потому, что наша беседа тогда могла бы быть напрасна; а теперь он велит, теперь ты можешь слушать меня¹.

Алкивиад. Я нахожу, Сократ, что, начав говорить, ты стал еще более странным, чем прежде, когда следовал за мною молча, хотя и в то время ты выглядел очень странно. Питаю ли я такие мысли или нет — для тебя, как видно, уже решено; и, если бы я стал отказываться, это несколько не помогло бы мне убедить тебя. Пусть так. Однако же, если бы я и был совершенно проникнут подобными мыслями, — каким же образом осуществляются они через тебя, а без тебя ничего не выйдет? Можешь ли сказать это?²

Сократ. Ты спрашиваешь так, как будто я должен принести перед тобой длинную речь, к каким столь привычно

¹ Бог-покровитель (*греч.* — «демон») Сократа стал для платоников одной из важнейших тем для теологических и этических спекуляций. Вера Сократа в то, что его постоянно сопровождает некое божественное существо, стала одной из причин обвинений учителя Платона в измышлении новых богов. В рамках платонизма демон понимался и как вестник богов, даровавший Сократу священный гнозис, и как внутреннее, божественное начало, благодаря которому человек может восходить к мистической истине, и более традиционно — как гений-покровитель, заботящийся о всем круге человеческих рождений. В последнем случае это позволяло относить беседу Сократа и Алкивиада не только к данным их жизням, но и к ряду инкарнаций, во время которых эти души встречались друг с другом.

² Претензия Сократа заключается в том, что именно он является гением-хранителем души Алкивиада. Таким образом, диалог показывает еще один, внутренний, план: беседу Сократа с Алкивиадом можно рассматривать как беседу со своим гением, то есть как самопознание!

твое ухо¹. Нет, мое дело не таково. Думаю, единственное, что я в состоянии доказать тебе, — это свою правоту, если ты немного поможешь мне хотя бы в одном...

Алкивиад. Лишь бы тут не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я готов.

Сократ. А трудно ли, по твоему мнению, отвечать на вопросы?

Алкивиад. Трудно.

Сократ. Отвечай же.

Алкивиад. Спрашивай.

Сократ. Но ведь я буду спрашивать тебя как человека, проникнутого именно теми мыслями, которые тебе приписаны мною. С

Алкивиад. Пожалуй, если хочешь, только бы знать, о чем будешь спрашивать.

Сократ. Хорошо. Итак, ты думаешь, говорю я, через некоторое время стать советником афинян². Но если бы в минуту твоего вступления на кафедру я взял да и спросил: «Алкивиад! Ты встаешь со своим советом, когда афиняне вознамерились открыть совещание; скажи, потому ли решаешься на это, что разумеешь дело лучше их?» Что бы ты на это ответил?

Алкивиад. Конечно, ответил бы, что разумею дело лучше их. D

Сократ. Следовательно, ты — хороший советник в том самом, что случилось тебе уразуметь?

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. А разумеешь ты только то, что узнал от других или открыл сам?

Алкивиад. Что же может быть, кроме этого?

¹ Речь идет о софистах, которые действительно писали длинные речи, наполненные риторическими периодами. Их дискуссии зачастую происходили не в виде диалога — этой «очной ставки» самой истины, — а по правилам разбирательства перед судом присяжных, где главное внимание уделялось убедительности и красивости речей истца и ответчика.

² Речь идет о статусе демагога, можно сказать официально признанного эксперта по политическим вопросам, которые выступали на народном собрании и порой определяли политику Афинского государства. Ирония ситуации состоит в том, что Алкивиад еще слишком молод для того, чтобы обрести статус демагога.

Сократ. Но можно ли изучить или открыть что-нибудь, не желая ни учиться от других, ни самому искать?

Алкивиад. Нельзя.

Сократ. Что ж, видно, думая, что ты нечто уже знаешь, ты захотел найти или изучить это?

Алкивиад. Совсем нет.

Сократ. А было ли время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убеждению, не знал?

Алкивиад. Необходимо.

Сократ. Но ведь и мне почти известно, чему ты учился; а что неизвестно — скажи. На моей памяти, ты учился грамоте, играть на цитре и искусству борьбы; флейтою же заниматься не хотел¹. Вот что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искусству, которое ускользнуло от моего внимания. Впрочем, выходя из дома, ты, думаю, не скрылся бы от меня ни днем, ни ночью.

Алкивиад. Да я и не ходил ни к каким другим учителям, кроме этих.

107 *Сократ.* Итак, если бы афиняне совещались о грамоте, каким образом писать правильно, — встал ли бы ты со своим советом?

Алкивиад. Нет, клянусь Зевсом.

Сократ. Ну а когда бы рассуждали об игре на кифаре?

Алкивиад. Никак не встал бы.

Сократ. А об искусстве борьбы, видишь ли, они не имеют обыкновения рассуждать в собраниях.

Алкивиад. Конечно.

Сократ. Так о чем же бы афинянам совещаться? Уж не о строительстве ли?

Алкивиад. И то нет.

Сократ. Ведь об этом-то строитель будет рассуждать лучше тебя.

В *Алкивиад.* Да.

Сократ. Не захочешь ли ты участвовать в собрании, когда афиняне вздумают совещаться о прорицании?

Алкивиад. Не захочу.

¹ Считалось, что игра на флейте уродует лицо — из-за необходимости напрягать и надувать щеки.

Сократ. Ибо прорицатель в этом отношении опять лучше тебя.

Алкивиад. Да.

Сократ. Даже несмотря на то, малоизвестен он или знатен, красив или безобразен, благороден или неблагороден.

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. Потому что совет-то о каждом предмете бывает, думаю, со стороны знающего, а не богатого.

Алкивиад. Как же иначе?

Сократ. То есть когда афиняне держат совет, каким образом сохранить здоровье граждан, для них все равно, беден советник или богат; они только ищут советника во враче.

Алкивиад. И справедливо.

Сократ. Так о чем же должны они рассуждать, чтобы, встав в качестве советника, ты встал кстати?

Алкивиад. О своих делах, Сократ.

Сократ. Например, о делах, относящихся к кораблестроению, то есть какие должны они строить корабли?

Алкивиад. Но тут я не встал бы, Сократ.

Сократ. Потому что строить корабли ты, думаю, не умеешь. Эта причина или другая?

Алкивиад. Именно эта.

Сократ. О каких же своих делах, говоришь ты, должны они рассуждать?

Алкивиад. О войне, о мире и о других общественных делах, Сократ¹.

Сократ. Не то ли разумеешь ты, что они должны совещаться, с кем заключить мир, с кем вести войну и каким образом?

Алкивиад. Да.

Сократ. А это не с теми ли, кто лучше?

Алкивиад. Да.

Сократ. И не тогда ли, когда лучше?

Алкивиад. Конечно.

¹ Алкивиад чувствует себя мудрым в целом, не обладая знанием частного (ср.: Аристотель. *Метафизика*, 982a, 9–10). Он считает, что эти вопросы требуют не инструментальных навыков и позитивных знаний, а внутреннего чувства вкуса, прирожденного его роду, — см. об этом ниже.

Сократ. И в течение такого времени, которое выгоднее?

Алкивиад. Да.

Сократ. Но если бы афиняне совещались, с кем надобно схватываться, а с кем препираться и каким образом, то ты бы посоветовал лучше или гимнаст?¹

Алкивиад. Конечно гимнаст.

Сократ. И ты можешь сказать, по какой причине гимнаст посоветовал бы, с кем схватываться, с кем нет, когда схватываться и каким образом? Спрошу так: с тем ли надобно схватываться, с кем выгоднее это сделать, или нет?

Алкивиад. С тем.

108 *Сократ.* И делать это наилучшим по возможности образом?

Алкивиад. Да, по возможности.

Сократ. И тогда, когда выгоднее?

Алкивиад. Конечно.

Сократ. А тому, кто занимается пением, не должно ли иногда сопровождать пение кифарой и мерным движением?

Алкивиад. Конечно должно.

Сократ. И не в наилучший для того момент?

Алкивиад. Да.

Сократ. И не столько ли раз, сколько требуется?

Алкивиад. Полагаю.

Сократ. Что же? Признав лучшее в том и в другом, то есть и в сопровождении песни кифарой, и в борьбе, что именно назовешь ты лучшим в игре на кифаре? Вот в борьбе лучшее, **В** говорю я, есть то, что бывает гимнастическим, а чем оно будет там, по твоему мнению?

Алкивиад. Не понимаю.

Сократ. Но попытайся подражать мне. Я уже, кажется, отвечал: тот вид, что состоит в совершенной правильности, а правильность, без сомнения, есть сообразность с искусством. Не так ли?

Алкивиад. Так.

Сократ. Не гимнастика ли здесь является искомым искусством?

Алкивиад. Чему же быть иному, как не гимнастике?

¹ Подразумеваются разные виды греческой борьбы, в одном из которых борцы должны были друг друга обхватывать за пояс, в другом же — за руки.

Сократ. Так вот я и сказал, что в борьбе лучшее — гимнастика. С

Алкивиад. Да, сказал.

Сократ. И ведь хорошо?

Алкивиад. Кажется.

Сократ. Ну, теперь скажи и ты — ведь и тебе нужно говорить хорошо, — скажи сначала, к какому искусству относится игра на кифаре, пение и мерное движение? Как вообще называется это искусство? Неужели все еще не можешь ответить?

Алкивиад. Да, не могу.

Сократ. Но попытайся так: кто те богини, которым принадлежит это искусство?

Алкивиад. Ты разумеешь Муз, Сократ? D

Сократ. Конечно. Смотри же, как по их имени называется это искусство?

Алкивиад. Мне кажется, ты говоришь о музыке?

Сократ. Точно так. Что же по отношению к музыке будет указывать на совершенство? Выше, по поводу гимнастического искусства, я уже назвал тебе правильное имя; а здесь что назовешь ты таким? Что здесь будет наилучшим?

Алкивиад. Гармоничность, кажется мне¹.

Сократ. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее в войне и в сохранении мира: как ты назовешь это лучшее? Там, говоря о каждом деле, ты признал лучшим в одном — гармонию, в другом — гимнастику; постарайся и здесь указать на лучшее. E

Алкивиад. Но у меня как-то не получается...

Сократ. А ведь стыдно. Если бы кто-нибудь, слушая твои рассуждения и советы касательно пищи, то есть что в настоящее время и в таком-то количестве одна пища лучше другой, наконец спросил: «Что называешь ты лучшим?» Ты, даже и не выдавая себя за врача, конечно, отвечал бы, что лучшее здесь — более здоровое; отчего бы тебе не суметь ответить на вопрос о том, в чем ты выдаешь себя за знатока и касательно чего стал бы давать советы, будто человек знающий? Ведь это стыдно. Или, думаешь, нет? 109

¹ Здесь речь идет о фундаментальной черте античного понимания гармонии — о *связанности* различных элементов в одном целом.

Алкивиад. Конечно стыдно.

Сократ. Вникни же и постарайся сказать, к чему клонится лучшее как при сохранении мира, так и то, с кем должно сражаться во время войны?

Алкивиад. Вникаю, но не могу придумать.

Сократ. И ты не знаешь, в чем во время войны мы обвиняем друг друга, что почитаем причиной начала военных действий и как называем эту причину?

В *Алкивиад.* Знаю. Мы находим, что нас обманывают, притесняют или лишают чего-нибудь.

Сократ. Постой же; что мы терпим в каждом из этих случаев? Постарайся сказать, что особенного происходит тут или там?

Алкивиад. Говоря об особенном тут или там, не ведешь ли ты, Сократ, речь о справедливости или несправедливости?

Сократ. Вот именно.

Алкивиад. Да, но этим одно вообще отличается от другого.

Сократ. Что ж? Против кого идти войной посоветуешь ты афинянам? Против справедливых или несправедливых?

С *Алкивиад.* Труден вопрос! Даже если кто-нибудь подумает, что нужно воевать со справедливыми, он все равно не признается в этом.

Сократ. Видимо, потому, что это против обычая.

Алкивиад. Конечно; да, кажется, и нехорошо.

Сократ. Следовательно, и твои речи будут в пользу этого — справедливости?

Алкивиад. Необходимо.

Сократ. Так не справедливейшее ли будет тем лучшим, о котором я тебя спрашивал, когда мы рассуждали, надобно ли воевать или нет, с кем воевать, а с кем нет, когда воевать и когда нет?

Д *Алкивиад.* Да, кажется.

Сократ. Как же так, любезный Алкивиад? Разве ты забыл, что этого не знаешь? Или, может быть, я и не заметил, когда ты учился этому и ходил к наставнику, который научил тебя различать справедливое от несправедливого? Да кто же он? Скажи и мне, порекомендуй ему в ученики и меня.

Алкивиад. Ты шутишь, Сократ.

Сократ. Заклинаю тебя именем моего и твоего бога дружбы, которым я никогда не клянусь попусту¹: если у тебя есть такой учитель, скажи мне, кто он.

Алкивиад. Но что, если его нет? Нельзя ли тебе предположить, что справедливое и несправедливое я узнал как-нибудь иначе? E

Сократ. Можно, если ты сам открыл это.

Алкивиад. Может быть, ты полагаешь, что я не способен открыть этого?

Сократ. Наоборот, полагаю, что способен, — если искал.

Алкивиад. Может быть, ты думаешь, что я не искал?

Сократ. Пожалуй, искал бы, если бы полагал, что не знаешь.

Алкивиад. Ты думаешь, что со мной не было такого времени, когда я не знал чего-либо?

Сократ. Ты хорошо говоришь, но можешь ли указать на то время, когда ты не почитал себя знающим справедливое и несправедливое? Например, в прошедшем году испытывал ли ты себя и думал ли, что не знаешь, или не думал? Да отвечай верно, чтобы наш разговор шел не попусту². 110

Алкивиад. Думал, что знаю.

Сократ. Не было ли верно это по отношению к тебе и три, четыре, пять лет назад?

Алкивиад. Было.

Сократ. А прежде этого времени ты был еще мальчиком? Не правда ли?

Алкивиад. Да.

Сократ. Тогда-то, разумеется, ты думал, что знаешь справедливое.

Алкивиад. Отчего ты в этом уверен?

Сократ. Я часто слышал, что в детстве, играя в кости или в какую-нибудь иную игру, в школе и в других местах, ты B

¹ Сократ упоминает Зевса Филия, покровителя дружбы.

² Вся эта тема разыскания и испытания знания является характерной не только для текстов Платона, но и будет унаследована многими традициями. В частности, для скептиков сама процедура постоянного поиска-испытания станет куда важнее получения положительного (догматического) результата.

не сомневался в справедливом и несправедливом, но громко и смело говорил, что такой-то мальчик зол и несправедлив, что он обижает тебя. Не правду ли я говорю?

Алкивиад. Да что ж мне было делать, Сократ, когда меня обижали?

Сократ. А спрашивал ли бы ты, что тебе делать, если бы не знал, обижают тебя или нет?

Алкивиад. Но, клянусь Зевсом, я не просто знал, а ясно со-
С знавал, что меня обижают.

Сократ. Поэтому, будучи еще мальчиком, ты уже думал, видимо, что знаешь справедливое и несправедливое?

Алкивиад. Конечно, да и в самом деле знал.

Сократ. Когда же ты это открыл? Уж верно, не тогда, когда думал, что знаешь?

Алкивиад. Без сомнения.

Сократ. Так в какое время ты думал, что не знаешь? Смотри, найдешь ли ты такое время?

Алкивиад. Да, клянусь Зевсом, Сократ, я не могу указать на него.

Д *Сократ.* Стало быть, ты узнал это не через открытие.

Алкивиад. Очевидно, нет.

Сократ. А сейчас сказал, что и не учился знать. Если же и не открыл, и не учился, то как и откуда знаешь?

Алкивиад. Но может быть, я и неправильно отвечал тебе, что упомянутое знание сам открыл. Это случилось, вероятно,
Е так: должно быть, и я научился этому, как другие.

Сократ. Значит, мы возвращаемся к прежнему вопросу. Скажи мне: от кого научился?

Алкивиад. От народа¹.

Сократ. Не к достойным же учителям прибегаешь ты, когда ссылаешься на народ.

Алкивиад. А что? Разве он не в состоянии научить?

¹ В сущности, здесь высказан основной упрек Платона по поводу того, что в античной философской традиции называют «мнением». Появляясь от многих учителей, то есть от неосознаваемых и некритических представлений толпы, оно лишено основательности и ответственности, оно выдает случайное за необходимое и зависит от настроений настоящего момента, а не от вечных истин.